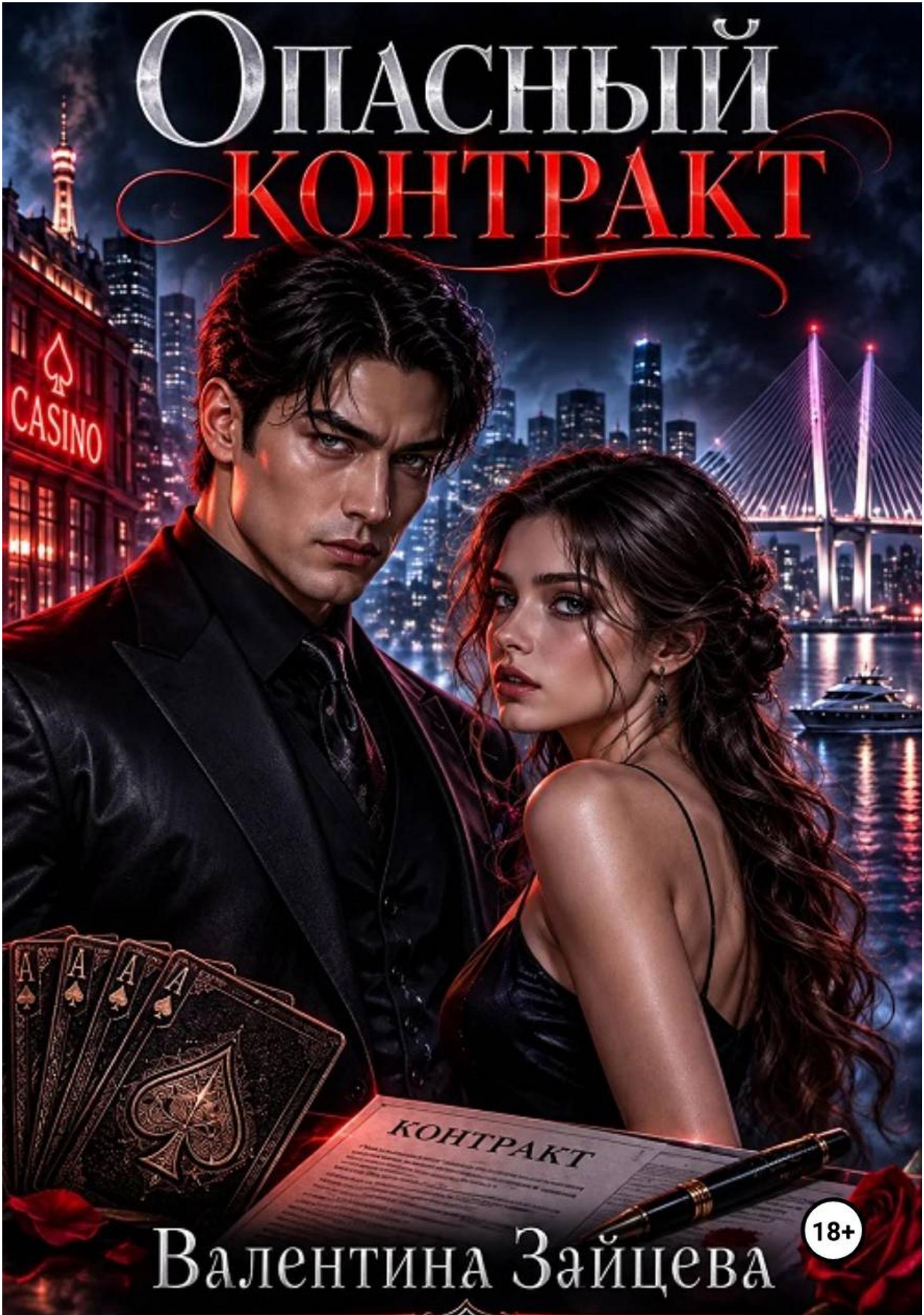
Опасный контракт

Валентина Зайцева

18+

Валентина Зайцева

Опасный контракт

«Автор»
2026

Зайцева В.

Опасный контракт / В. Зайцева — «Автор», 2026

Владивосток. Город, где клан Лим — это не семья, а закон. Порты, казино, финансовые потоки от Сеула до Москвы — всё в их руках.Артём Лим годами играл роль серого кардинала: считал чужие прибыли, выстраивал чужие империи и ждал своего часа. Час настал, когда старший брат Ким предложил сделку — контроль над портовым терминалом в обмен на брак с одной из его сестёр.Но свадьба ещё не сыграна, а в казино Артёма ловят юную карточницу, выигравшую четыре с половиной миллиона. Тихая, запуганная Есения — та самая младшая сестра, которую семья держала взаперти двадцать один год. Она боится его до дрожи. И это делает её идеальной партией.Теперь у Артёма есть рычаг: тайна, долг и шантаж. Он поменяет невесту, разобьёт чужие планы и заберёт всё — империю, власть и девушку, которая лишь мечтала о свободе.Но есть одна ставка, которую он не просчитал, — собственное сердце.

© Зайцева В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Валентина Зайцева
Опасный контракт

Глава 1

Есения Ким

— Как ты можешь позволить ему так поступить со мной?! — Мирослава падает на колени перед нашим братом, срываясь на глухой, почти срывающийся на шёпот крик. Её голос звенит в абсолютной тишине роскошного пентхауса, отражаясь от панорамных окон, за которыми в тяжелом мареве Тихого океана тонут огни ночного Владивостока. — Как ты можешь отдать меня ему, как какую-то вещь?! Словно фарфоровую куклу для заключения сделки!

Ярослав — наш старший брат, унаследовавший от отца безупречные, резкие черты лица, безукоризненную осанку и холодный разрез глаз, в которых отчетливо проступала чистокровная корейская кровь — даже не дрогнул. Он медленно растирает пальцами переносицу над переносицей очков в тонкой титановой оправе.

— За фарфоровые куклы не дают контрольный пакет акций стратегического порта, Мира, — ровным, ледяным тоном произносит он, не глядя на неё.

Мирослава резко вскидывает голову. На её бледном, безупречно гладком лице — ни единой соринки, ни намека на несовершенство, лишь тонкие крылья изящного носа трепещут от гнева. Её темно-каштановые волосы с едва уловимым медовым отливом, уложенные в сложные мягкие волны, падают на плечи, контрастируя с глубоким вырезом шелкового платья. В её огромных серо-зеленых глазах, унаследованных от нашей русской матери, плещется чистая, обжигающая ярость.

— Нас продают! — чеканит она каждое слово, поднимаясь с колен с грациозной плавностью балерины. — Скажи это прямо! Меня меняют на монополию в игорной зоне «Приморье»!

Брат опускает руку. В его взгляде — ни тени раскаяния, лишь тяжелая, давящая уверенность человека, привыкшего шахматным росчерком пера решать судьбы целых компаний.

— Технически, комплекс, который забирает синдикат Лима, находится в закрытом секторе побережья, — холодно парирует Ярослав. — И это не продажа, Мирослава. Это союз. В нашем мире женщины нашего положения либо защищены фамилией мужа, либо становятся добычей чужих стервятников.

Я издаю тихий, горький смешок. Ярослав мгновенно переносит свой тяжелый, пронизывающий взгляд на меня.

Мой подбородок тут же послушно опускается на пару сантиметров вниз. Я аккуратно прячу глаза под густыми ресницами, скрывая вспыхнувшее раздражение. Моя внешность — это причудливый коктейль из азиатской утонченности и славянской мягкости: светлая, почти прозрачная кожа с легким фарфоровым отливом, высокие скулы и глубокие, обрамленные темными ресницами глаза. Но сейчас мне хочется слиться со стеной, стать бесплотной тенью.

Правило номер один в нашей семье, выжженное на подкорке: *никогда не привлекай внимание старшего брата*. Мы с Мирой не видели Ярослава почти пять лет. Пока наш отец держал нас взаперти в загородном поместье под Владивостоком, оберегая от внешнего мира за высокими заборами, старший брат строил собственную империю. Ему было абсолютно плевать на нас. Но теперь, когда мы выросли, превратившись в те самые «козырные карты» для большой игры кланов, он вспомнил о родственных узах.

«Спасибо, братик, но я предпочту исчезнуть до того, как вы разыграете и меня».

У нас с Мирославой давний, молчаливый договор. Этот семейный корабль давно идет ко дну, и здесь действует лишь одно правило: спасается каждый в одиночку. Никаких сантиментов.

— И кто защитит меня от моего нового мужа? — голос Миры срывается на тонкий, звенящий фальцет, выдавая глубоко спрятанный страх. — Ты думаешь, я не слышала слухи про Артёма Лима? Про его семью?! Во Владивостоке шепчутся, что он перешагивает через трупы не задумываясь! Ты вытаскиваешь меня из клетки отца только для того, чтобы бросить в пасть дракону!

Я тоже слышала эти слухи. Имя Артёма Лима ассоциировалось с абсолютной, ледяной властью. В нем не было ничего человеческого — лишь дорогая ткань костюмов от лучших портных Сеула, безупречные манеры хищника и репутация человека, способного стереть с лица земли любого конкурента за одну ночь. Говорили, что его младший брат, Даниил, заполучил свою жену точно так же — загнав её семью в безвыходные долги и поставив перед выбором.

Мужчины из клана Лим не умеют проигрывать. И не умеют отпускать то, что считают своим.

Хотя наша собственная семейка стоила друг друга. Последние пять лет мы провели под домашним арестом в особняке на Седанке. Отец не позволял нам сделать и шага без сопровождения охраны — элегантных громил в черных костюмах, чьей истинной задачей было вовсе не наше спасение, а страх побега. Никаких следов физической боли или грубых синяков — наш отец был слишком искушен для дешевого рукоприкладства; он ломал нас по-другому: изощренным игнорированием, холодным презрением и бесконечным ожиданием запертых дверей.

Мне двадцать один, Мире двадцать три. Мы — идеальный товар для экспорта на рынок элитных династических браков.

— Есения, ну хоть ты скажи ему! — Мира с отчаянием в глазах резко поворачивается ко мне, больно сжимая мои пальцы своими длинными, ухоженными пальцами с безупречным нюдовым маникюром.

Я перевожу на неё абсолютно спокойный, непроницаемый взгляд.

— Сказать, что?

Мирослава издает тихий, надломленный стоп-кадр отчаяния. — Соберись, Сеня! Не уходи в свои цифры, мне нужна твоя помощь!

Я едва заметно морщусь. Мой мозг устроен по своим законам: в минуты колоссального стресса или опасности во мне включается защитный механизм. Эмоции стираются, уступая место идеальному анализу. Проценты, вероятности, комбинации — они выстраиваются в моей голове в безупречные ряды, отгораживая меня от реальности стеклянной стеной.

— Я здесь, — тихо говорю я, чуть склонив голову набок. — И я просто считаю вероятности. Шансы на то, что Артём Лим окажется деспотом, равны ста процентам. Эти люди не знают слова «компромисс». Для них брак — это контракт на поглощение активов.

Ярослав резко выпрямляется, его темные глаза сужаются до колючих щелок.

— Есения, в этой комнате и без того переизбыток истерик. Твоего мнения никто не спрашивал. Держи свои математические прогнозы при себе.

Я закусываю губу, опуская ресницы. Но в мыслях отчетливо фиксирую: как только Мира окажется в руках своего «супруга», Ярослав тут же переключит всё свое внимание на меня. Следующей партией в этой игре буду я.

— Я всё равно скажу, — шепчу я, поднимая на брата взгляд. — Шансы выжить рядом с Артёмом Лимом у Миры минимальны.

— Я знаю его семью лучше, чем вы обе, — чеканит Ярослав, обрывая разговор на полуслове. — Лим выше нашего отца на три головы. Рядом с ним она будет купаться в роскоши. Сделка закрыта. Свадьба состоится послезавтра. Обсуждение окончено.

Он разворачивается на каблуках дорогих туфель, чеканя шаг направляется к выходу, и тяжелая бронированная дверь захлопывается за ним с глухим, изолирующим звуком.

Клан Лим великодушно выделил нам эти апартаменты в самом сердце нового элитного квартала Владивостока. На словах — забота о нашей безопасности. На деле — та же самая золотая клетка, только с панорамными окнами на бухту Золотой Рог, умной системой распознавания лиц и охраной на каждом этаже.

Камеры на периметре. Бронированные стекла. И наш собственный брат в роли надзирателя.

— Ты можешь в это поверить? — шепчет Мира, обессиленно опускаясь на белоснежный кожаный диван. Её плечи мелко дрожат под тонкой тканью платья, но на глазах — ни слезинки. В нашей семье плакать считалось слабостью; мы научились прятать боль за безупречной осанкой и холодным блеском в глазах.

— Могу, — глухо отвечаю я. — Мы наивно верили, что Ярослав приедет как спаситель...

— А он оказался просто еще одним тюремщиком, — горько усмехается сестра, заправляя за ухо выпавшую прядь волос.

Тюремщик? Да. Отец хотя бы не притворялся благородным. Ярослав же завернул цепи в красивую обертку семейного долга.

— И что ты намерена делать? — спрашиваю я, подходя к ней и опускаясь на корточки рядом с диваном.

Мы действительно похожи как две капли воды — тонкие утонченные черты лица и безупречная фарфоровая кожа, доставшиеся нам от отца-корейца, соединенные с упрямым, гордым изломом бровей и выразительными серо-зелеными глазами нашей матери, чей род десятилетиями держал в страхе теневой бизнес Приморья. В этих глазах отчетливо читался её опасный стальной характер. Но Мира высокая, статная, рожденная для того, чтобы с холодным презрением смотреть с обложек глянца, а я миниатюрная, тихая, привыкшая растворяться в пространстве и просчитывать каждый шаг наперед.

— Я не выйду за него замуж, — в голосе сестры звучит тихая, стальная решимость, в которой отчетливо слышится материнский характер. — Я сбегу.

— До свадьбы меньше сорока часов, — напоминаю я, сжимая её прохладные пальцы. — Вся игорная зона под круглосуточным контролем людей Лима и нашего брата. Куда ты побежишь? Контролируется каждый выезд из города.

— Не знаю. Но я найду способ, — Мира резко вскидывает голову, и в её взгляде вспыхивает та самая опасная искра, унаследованная от мафиозной семьи нашей матери. — Мы русские кореянки, Сеня. В наших венах течет кровь тех, кто умел выживать и подминать под себя правила, когда все остальные сдавались.

Но я-то трезво оцениваю наши шансы. Как только Мира попытается сорвать церемонию или исчезнуть, охрана Ярослава поднимет тревогу, а люди Артёма Лима перекроют все выходы из города в течение получаса. И тогда под удар попаду я.

Именно поэтому у меня уже готов свой собственный план.

Когда Мира уходит в свою комнату под предлогом подготовки к примерке свадебного платья, я запираюсь в собственной спальне. На цыпочках подхожу к постели, опускаюсь на колени и аккуратно просовываю руку под матрас.

Там, завернутая в шелковый платок, лежит туго скрученная пачка банкнот — деньги, которые я тайком откладывала последние два года, экономя на карманных расходах и получая крохи от редких переводов доверенных лиц.

Мой план строится на том, в чем я безупречна. Моя суперсила — математика и абсолютная память на цифры. Стоит мне бросить мимолетный взгляд на карточный стол или последовательность комбинаций, как мой мозг выстраивает беспроигрышный алгоритм. Я отправлюсь в одно из полулегальных ночных заведений на окраине игорной зоны «Приморье», где служба

безопасности не такая параноидальная, как в гигантских комплексах вроде *Хрустальный Тигр*. Мне нужно всего несколько часов за столом для блэкджека, чтобы превратить мизер моих сбережений в стартовый капитал.

В потайном кармане моего рюкзака уже спрятаны два новеньких паспорта на чужие имена с чистыми визами — прощальный подарок моей лучшей подруги, которая рискнула всем, чтобы вытащить меня из этой золотой тюрьмы, если ситуация станет безвыходной.

Всё, чего мне не хватало — это наличных для старта.

Я подхожу к зеркалу в полный рост. Быстро переодеваюсь в удобные черные брюки с высокой посадкой, облегающие щиколотку, и блестящий топ цвета мокрого асфальта, который выгодно подчеркивает мою фарфорово-светлую кожу. Распускаю волосы, позволяя тяжелым прядям красивой волной падать на спину, и слегка подвожу глаза черным лайнером, создавая дерзкий, притягательный разрез в стиле героинь любимых дорам — опасно, элегантно и неотразимо.

В зеркале на меня смотрит не забитая затворница из особняка на Седанке, а хладнокровная авантюристка, готовая поставить на кон всё.

Упаковав паспорта, минимум необходимых вещей и деньги в компактный черный рюкзак, я сажусь на край кровати и замираю, вслушиваясь в звуки за окном.

Темное бархатное небо над Владивостоком затягивает густой приморский туман. Он ползет со стороны Амурского залива, белыми щупальцами цепляясь за крыши небоскребов. Идеальное время.

Я смотрю на электронные часы на запястье. Ровно полночь. Наружные камеры видеонаблюдения на нашем балконе имеют мертвую зону и двигаются по строгому циклу с интервалом в сорок секунд.

У меня есть ровно полминуты.

Я бесшумно сдвигаю тяжелую стеклянную створку балконной двери. Холодный, влажный воздух с запахом океана и соли мгновенно обжигает легкие. Перекинув ногу через кованые перила третьего этажа, я перебираюсь на металлическую техническую лестницу, скрытую в тени фасада.

Спустившись до уровня второго этажа, я осторожно переступаю на широкий бетонный козырек над первой секцией. Отсюда до земли — около трех метров. Я повисаю на руках, цепляясь пальцами за край выступа, и только тогда мягко соскальзываю вниз, пружиня ногами на влажном газоне.

Адреналин мощной волной взрывается в крови, заставляя сердце гулко стучать в висках. Но ноги целы, а это главное.

Выждав несколько ударов пульса, пока объектив поворотной камеры на углу медленно уходит в сторону, я стремительной, бесшумной тенью выбегаю за пределы охраняемой зоны в лабиринт темных уличных переулков.

Я свободна. По крайней мере, пока.

Впервые в своей жизни я сама управляю своей судьбой, не оглядываясь на приказы отца и не опасаясь тяжелого взгляда Ярослава.

Но я забегаю вперед. Побег — это только первый шаг.

Шаг второй — раздобыть достаточно наличных, чтобы исчезнуть туда, где меня никто никогда не отыщет. Ни мой отец, ни старший брат, ни мафиозный синдикат Артёма Лима.

Мужчины из клана Лим могут катиться к черту. А Артём Лим в особенности — человек, чей тяжелый, леденящий взгляд я случайно поймала лишь единожды на закрытом приеме, заставившем моё сердце сжаться от липкого, необъяснимого ужаса. Одни лишь мысли о нем укрепляют мою решимость, хотя впереди ждет самое трудное испытание, к которому у меня почти не было времени подготовиться.

Я выныриваю из темного переулка на центральную улицу интегрированной развлекательной зоны. Неоновые вывески слепят глаза, вокруг гудят толпы туристов, смеются и звенят бокалами те, кому неведом наш страх. Этот шум и чужая беззаботность бьют по нервам, заставляя меня инстинктивно сжиматься.

Я никогда не умела носить фальшивые маски. Мирослава способна искренне улыбаться и грациозно порхать по балу, даже когда к её спине приставлен невидимый нож; я же абсолютно не умею притворяться. Моя тревожность написана на лице.

Я останавливаюсь у величественных поющих фонтанов, позволяя прохладным брызгам омыть горячую от бега кожу. Конечно, я могла бы зайти в один из ультра-люксовых комплексов на побережье, но служба безопасности там работает на грани параноидной безупречности.

Понимая, что от меня за версту разит отчаянной решимостью новичка, я сворачиваю в сторону чуть более скромных, но атмосферных заведений старой части игорной зоны. Если гламурные казино созданы для элиты и миллиардеров, то эти клубы — для жестких игроков старой закалки, которые предпочитают крепкий алкоголь без зонтиков и ценят простые правила.

Главное — охрана здесь гораздо лояльнее. Им не до паранойи высшей лиги.

Усталость наваливается лавиной: путь оказался гораздо длиннее, чем казалось по карте, спина покрылась испариной, ноги в неудобной обуви начинают ныть, а тщательно нанесенный макияж грозит поплыть от влажного морского воздуха.

И тут впереди вырастает массивное здание клуба «Каспиан».

Стоя перед массивными стеклянными дверями, я несколько секунд кусаю губу, колеблясь под влиянием подступающего страха.

Глубокий вдох. Натягивая на лицо маску хладнокровного безразличия, я пересекаю границу и шагаю внутрь роскошного, прокуренного неоном лобби.

Найти игровой зал оказывается несложно. Быстро обменяв часть наличных на пластиковые фишки, я растворяюсь среди суетливой толпы игроков за столами.

Мой выбор падает на классический покер. Я долго размышляла над тем, за какой стол лучше присесть, и кто должен быть моим дилером. Женщины за карточным столом слишком проницательны и подозрительны; пожилые же мужчины-крупье часто смотрят на молоденьких девушек с отеческой снисходительностью, а не с профессиональной паранойей.

Считать карты — это тончайшее, почти ювелирное искусство. Нужно удерживать в голове всю колоду, непрерывно фиксировать вышедшие номиналы, улавливать неуловимый ритм игры ровно до того момента, пока крупье не перетасует колоду заново.

К тому же, для этого нужен солидный банкролл, чтобы пережить неизбежные фазы обучения и проигрышей без лишнего привлечения внимания.

Я играла в подпольный покер с охраной отца с самого детства, и моя память на числовые комбинации работала безупречно. Однако тонкая психология чтения дилера и поддержания идеального эмоционального баланса — вот в чем я сомневалась больше всего.

Придется импровизировать на ходу. Я выбираю столик, где крупье оказывается чуть моложе, чем мне хотелось бы, но он тщательно замешивает абсолютно свежую колоду. В отсутствие автоматических шаффл-машин моя задача невероятно упрощается — мне нужно следить лишь за одной-единственной колодой.

Понаблюдав за несколькими раздачами из-за спин игроков и просчитав стартовые паттерны, я наконец занимаю свободное место. Стараюсь не показывать, что внутри меня все сжимается от леденящего ужаса.

Правда, мне и не нужно притворяться хладнокровной акулой — скорее, я похожа на испуганную студентку, случайно забредшую не в тот зал.

Для определения очередности хода дилер раздает по одной карте каждому игроку. Мне достается король, и я мысленно выдыхаю: прекрасное начало для тонкого расчёта.

Проходит всего несколько минут, и я забираю первый банк, точно зная, что вероятность выпадения нужного туза у дилера стремилась к абсолютному нулю.

Затем еще один выигрыш. И сразу третий.

Спустя четыре победные раздачи легкая профессиональная улыбка на лице крупье сменяется настороженным, колючим подозрением. Для меня это служит мгновенным сигналом тревоги. Пора закругляться.

Быстро сгребая фишки, я меняю столик. План предельно прост: сыграть еще за одним столом, обналичить фишки и немедленно сменить казино, пока служба безопасности не заинтересовалась мной всерьез.

Я выбираю новую цель, замираю в тени колонны, наблюдаю за ходом игры и наконец опускаюсь на свободный стул.

Воздух вокруг кажется раскаленным. Крупье бросает на меня странный, оценивающий взгляд. Наверное, мне стоило уйти из «Каспиана» сразу после первого успешного стола. Бросив испуганный взгляд в сторону выхода, я замечаю охранника у дальней стены, который неотрывно смотрит в мою сторону.

Паника, с которой я борюсь всю свою жизнь, подступает к горлу. Пытаясь взять себя в руки, я опускаю руки под массивную столешницу и начинаю нервно отбивать пальцами ритм по коленям.

Этот простой психологический трюк когда-то показывала мне мамина верная помощница, но сейчас он абсолютно не работает.

Становится только хуже. Я вижу, как тот самый охранник подносит к губам рацию, что-то шепчет и не сводит с меня тяжелого взгляда, явно подмечая мои дрожащие пальцы.

Я отчаянно моргаю, сжимаю ладони в кулаки, пытаясь вернуть контроль над цифрами и картами, но концентрация рассыпается в прах.

И тем не менее, по инерции я выигрываю эту раздачу, а затем еще одну. Разум подсказывает немедленно бежать, но азарт и надежда сорвать куш побольше заставляют меня остаться еще на один кон.

Это была фатальная ошибка.

Едва я забираю фишки после очередной победы, намереваясь встать, как чья-то тяжелая, безжалостная рука опускается на мое плечо.

Прикосновение оказывается совершенно иным, нежели нервное постукивание моих пальцев по колену.

Я вздрагиваю, резко поворачиваю голову и натыкаюсь на ледяной взгляд крупного секьюрити в черном костюме. — Пройдемте со мной, сударыня.

Мой рот приоткрывается от шока. Быстрый внутренний подсчёт показывает: я провела здесь чуть больше часа, но уже выиграла более четырёх с половиной миллионов рублей.

Неужели это огромные деньги для такого заведения? Неужели этого хватило, чтобы привлечь неприятности? Я суетливо тянусь к фишкам, намереваясь сгрести их в сумочку, но тяжелая ладонь охранника придавливает мои пальцы к столу.

— Оставьте их здесь, — басит он безэмоционально.

— Но это мои деньги! Я честно выиграла их! — кричу я, игнорируя испуганные взгляды соседей по столу, пока крупье уже спешно собирает колоду обратно в коробку.

К первому охраннику бесшумно присоединяется второй, перекрывая мне любые пути к отступлению. Холодный пот катится по спине.

— Собери фишки в лоток, — бросает первый охранник напарнику. — Босс лично разберется, оставить их ей или пустить на ветер.

Мои колени мгновенно превращаются в жидкую вату.

— Какой... босс?

— Тот самый, девочка. Артём Лим хочет на тебя посмотреть.

Не успеваю я опомниться, как двое громил рывком поднимают меня с места. Мои ноги подкашиваются, я едва не падаю на пол, но они грубо подхватывают меня под руки с обеих сторон и волокут через весь шумный зал казино под всеобщие удивленные взгляды.

Если бы мой мозг сейчас работал трезво, я бы задала себе вопрос: какими же невероятными путями я умудрилась оказаться в казино человека, за которого мой старший брат собирается выдать нашу сестру?

Хотя ответ лежал на поверхности. Во Владивостоке семья Лим — это не просто хозяева недвижимости и игорного бизнеса. Это закон.

А закон гласит, что Артём Лим волен делать со своей дерзкой младшей родственницей всё, что заблагорассудится.

Какое наказание он для меня выберет? Скоро я узнаю это лично.

Глава 2

Есения Ким

Меня волокут по длинному, бесшумно устланному толстым бордовым ковром коридору, зажатой между двумя амбалами в черных костюмах. Каждый из них выше меня на голову, и каждый намертво вцепился в мою руку.

Это демонстрация силы — избыточная, театральная, но чертовски эффективная. Я чувствую, как колени начинают мелко дрожать, а дыхание сбивается. Мы удаляемся от шумного, сияющего неоном сердца казино «Каспиан», погружаясь в глухую, давящую тишину административного крыла. Здесь нет глянца игровой зоны — только тяжелые деревянные двери кабинетов с матовыми стеклами, за которыми вершатся судьбы.

Чем дальше мы идем, тем быстрее колотится мое сердце. Грудную клетку стягивает тугим обручем, воздуха катастрофически не хватает, и в какой-то момент мне начинает казаться, что оно сейчас разорвется от ужаса.

Мои ноги в мягких балетках путаются, я спотыкаюсь, и охранники вынуждены буквально приподнимать меня над полом, чтобы я не рухнула лицом вниз. Но они не останавливаются ни на секунду. Они неумолимо тащат меня к массивной двери в самом конце коридора.

Той самой двери, за которой находится *его* кабинет.

Я знаю чьё это место не только по слухам. На матовом стекле золотыми буквами выгравировано имя, от которого во Владивостоке и за пределами Южного Приморья замирают сердца бизнесменов и криминальных авторитетов: Артём Лим.

Империя Артёма простирается далеко за пределы России: его порты, терминалы и финансовые фонды контролируют потоки от Сеула и Пусана до Москвы. Человек, чье слово имеет больший вес, чем законы государства.

Видя неизбежность, я делаю слабое движение, пытаясь высвободить руки. Хватка охранников становится лишь крепче, стальными тисками впиваясь в мои плечи. В криминальном мире есть старая поговорка: *«Никогда не переходи дорогу русским»*. Мой старший брат Ярослав держит в страхе половину региона, а Мира способна улыбаться в лицо врагу, держа за спиной отточенный клинок. Но я?

Да, я могу просчитать сложнейшие алгоритмы защиты, могу безупречно считать карты и обходить системы безопасности. Но настоящая, взрослая жестокость мира? У меня за душой нет ни грамма этой прочности. Я трусишка, забившийся в угол. Именно поэтому отец годами держал меня в беспрекословном подчинении — ему даже не нужно было поднимать руку, мой собственный страх делал всю работу за него.

Охранник справа бесшумно поворачивает тяжелую латунную ручку, толкая дверь внутрь. Они синхронно делают шаг в сторону, втягивая меня за собой в просторный кабинет, но даже в просторе комнаты не ослабляют хватку.

— Пустите же, — выдыхаю я, отчаянно дергаясь.

— И в мыслях не было, — глухо цедит тот, что поближе.

— Куда я денусь? Двери закрыты, бежать некуда... — мой голос срывается на отчаянный шепот, полный мощи подавленной паники.

Они не отвечают. Молча доводят меня до группы роскошных кожаных кресел у массивного письменного стола из темного дерева, и охранник слева бесцеремонно давит мне на плечо, заставляя рухнуть на сиденье. Второй мгновенно исчезает за боковой дверью, ведущей в личные покои хозяина кабинета.

Тишина бьет по ушам сильнее грохота игровых автоматов. Отсюда не слышно ни единого звука извне. Я чувствую себя абсолютной сиротой в космосе — никто в целом мире не знает,

где я, никто не придет на помощь. Мой брат занят своими глобальными интригами, сестра примеряет свадебное платье, а отец даже не заметит моего отсутствия до самого утра.

В груди болезненно сжимается спазм. Артём Лим может приказать уничтожить меня прямо здесь, в этой тишине, и Мирослава всё равно выйдет замуж за его клан, не проронив ни слезинки над моим прахом.

Головокружение усиливается, к горлу подкатывает тошнота. Я зажмуриваю глаза, пытаясь уцепиться за единственную здравую мысль: я сама хотела свободы. Жизнь с отцом была похожа на загнивание в склепе; жизнь под надзором Ярослава — лишь чуть более комфортная клетка. По сравнению с этим даже смерть казалась мне выходом на свободу.

Эта мрачная мысль удивительным образом действует на меня отрезвляюще. Тошнота отступает. Я судорожно складываю руки на коленях, начиная машинально, до боли в ногтях, постукивать пальцами по ткани брюк — старый нервный тик, помогающий заглушить панику.

Внезапно воздух в кабинете неуловимо меняется. Пространство вокруг словно сгущается, температура падает, наполняясь тяжелой, давящей энергетикой доминантного присутствия.

— Что ты вытворяешь? — раздается над ухом низкий, бархатный, но невероятно опасный голос, от которого по спине пробегает ток ледяных мурашек.

Я замираю, в ужасе прикусив губу, и механически сжимаю пальцы в кулаки, прекращая стучать.

— Жду, — выдавливаю я пересохшими губами.

— Ждешь чего?

С трудом заставляя себя поднять тяжелые веки, я делаю фатальную ошибку. Мой взгляд упирается в идеальные стрелки дорогих итальянских брюк, обтягивающих мощные, мускулистые бедра. Выше отчетливо обрисовывается силуэт мужчины, чья аура подавляет волю на физическом уровне.

Медленно поднимая голову выше, я сталкиваюсь с бездонным, абсолютно непроницаемым взглядом Артёма Лима.

Дыхание мгновенно вылетает из легких. Я судорожно отшатываюсь назад, вжимаясь спиной в спинку кресла, и судорожно скрещиваю руки на груди, словно щит.

Артём Лим обладал той редкой, почти инопланетной внешностью, от которой мгновенно замирает сердце, — ослепительной, изящной и божественно совершенной. У него были безупречно выточенные черты лица, фарфорово-гладкая кожа, высокий прямой нос и тонкие, словно изящно вырисованные губы. Однако эта идеальная красота была смертельно обманчивой. В его глубоких, почти черных глазах не отражалось ни единой эмоции — лишь абсолютное, высокомерное безразличие и леденящая жестокость хищника, привыкшего вершить чужие судьбы одним взмахом руки. Он не кричал, не угрожал и даже не хмурился — он просто смотрел на меня с этой завораживающей, жуткой отстраненностью, и от этого взгляда мне хотелось провалиться сквозь землю.

Он складывает руки на груди точно так же, как я, но в его исполнении это выглядит не как защита испуганного зверька, а как демонстрация непререкаемого превосходства.

— Отвечай, — его низкий голос заставляет меня подпрыгнуть на месте.

— На что отвечать?! — срываюсь я на всхлип, потому что абсолютно теряю рассудок от страха.

— Чего ты ждешь в моем кабинете?

— Тебя! — выдыхаю я в отчаянии, совершенно не понимая логики этого допроса.

Его брови сходятся на переносице, образуя резкую складку.

— Мои люди докладывают, что ты профессионально зачищала столы и считала карты. Ты решила поиграть в дерзкую воровку на моей территории?

Я смотрю на него во все глаза, горько жалея, что не репетировала эту сцену заранее. В такие моменты мой математический мозг дает сбой.

— Это противозаконно, — выдаю я первую пришедшую на ум банальность.

Уголок его губ едва заметно дергается в подобии холодной усмешки.

— Да. Представь себе, это уголовно наказуемо.

Артём высок — даже сидя в кресле, я чувствую, как он возвышается надо мной, воплощая собой угрозу.

— К тому же... — пробую я найти спасительный аргумент, цепляясь за соломинку, — скоро мы станем родственниками.

Его взгляд темнеет еще сильнее.

— Да. Станем.

Поскольку он прямо не спрашивает, признаю ли я вину в краже, я молчу, отчаянно цепляясь за юридические тонкости. Абсурд? Безусловно. Но лгать я не умею, а признаваться в воровстве смерти подобно.

— Ты знала, что это *моё* казино? — вдруг меняет он тактику, нанося удар без предупреждения.

Моя голова снова идет кругом от этой резкой смены тона.

— Н-нет, — честный ответ вырывается сам собой, прежде чем я успеваю прикусить язык. Черт!

— Ты думала, что оно всё ещё принадлежит твоему брату? — в его голосе слышится холодная, ироничная насмешка.

Кровь мгновенно отливает от моего лица. *Это казино раньше принадлежало Ярославу?!* Господи... Как же глубоко я вляпалась. Я пришла воровать в место, которое только что перешло в руки Лима!

— И как ты вообще оказалась здесь одна? — его глаза сужаются до узких щелок. — Насколько я помню протокол безопасности твоего братца, ты должна сидеть под замком в охраняемом пентхаусе.

Я нервно кусаю губу. Он прекрасно осведомлен о моих золотых цепях. Он сам помогал Ярославу запирать нас там.

— О.… ну, ты же знаешь...

— Нет, не знаю. Объясни мне, Есения, — произносит он мое имя так интимно и жестко одновременно, что по телу прокатывается волна жуткого жара. Он плавно подается вперед, опираясь ладонями о край стола и нависая надо мной.

При этом его изящная, безупречная грация ничуть не умаляет той опасной, подавляющей силы, которая от него исходит. Скорее наоборот... Я вынуждена отвести взгляд.

Мое положение настолько безнадежно, что это было бы даже комично, если бы я не находилась на грани истерики.

— Ты... ты позволишь мне забрать мой выигрыш? — тихо спрашиваю я.

— Нет.

Я ахаю и резко подрываюсь с кресла, упрямо вздергивая подбородок. Я вложила в эту игру абсолютно все свои сбережения! Если он ничего не вернет, я останусь с пустыми руками.

— Но это мои деньги!

— Тебе стоило подумать об этом до того, как ты решила обокрасть меня, — чеканит он, и его выточенный подбородок сжимается с жесткостью, способной резать стекло.

— Я не... — мой голос затихает.

— А теперь, — тихо произносит он, снова поднимаясь в полный рост и подступая ко мне так близко, что едва не касается моего плеча. Я инстинктивно отступаю на шаг назад, спотыкаясь. — Ты отправляешься домой.

От этого слова меня снова начинает крупно трясти. Если Ярослав узнает, что я натворила... Что он со мной сделает? Как быстро он избавится от меня, выдав замуж за какого-нибудь садиста?

— Пожалуйста...

— Мольбы тебе не помогут.

— Ты не можешь забрать мои деньги! Они мне нужны! — паника опять подступает к горлу, и я больше не могу скрыть дрожь в голосе.

— Для каких таких целей тебе понадобилась крупная наличка, маленькая птичка? — его темные глаза просчитывают меня насквозь, словно рентген.

Я не могу сказать ему правду. Не могу признаться, что планировала побег от той участи, которую он сам же уготовил для моей семьи.

— Без денег я чувствую себя мертвой, — шепчу я, чувствуя, как по щеке скатывается предательская капля.

Губы Артёма сжимаются в тонкую, непреклонную линию.

— Ты в любом случае в ловушке, Есения. С деньгами или без.

Я отрицательно качаю головой, задыхаясь от отчаяния.

— Ты можешь помочь...

— Если ты рассчитываешь, что я сыграю роль благородного спасителя после того, как ты попыталась украсть... — он бросает короткий взгляд на вошедшего охранника.

— Больше четырёх с половиной миллионов рублей, — отчетливо чеканит телохранитель.

— Ты попыталась украсть у меня круглую сумму, а теперь просишь о милосердии? — Артём издает короткий, издевательский звук языком, от которого у меня внутри всё обрывается.

Я опускаюсь обратно в кресло, чувствуя себя раздавленной в лепешку. Моя попытка вырваться из лап отца и брата привела лишь к тому, что я угодила в пасть к куда более страшному хищнику.

— Пощады... не будет? — еле слышно выдавливаю я.

— Если это была твоя попытка просить о помощи — отклонено. Если просьба о милосердии — отклонено тоже, — холодно чеканит он.

Я закрываю лицо руками, чувствуя, как воздух покидает комнату.

— Тогда... если ты собираешься меня убить, сделай это быстро, умоляю.

На секунду в кабинете воцаряется абсолютная, звонкая тишина. Затем я слышу, как уголки его губ едва слышно хмыкают — в его взгляде на мгновение вспыхивает яркая, живая искра, обнажая теплые коньячные искры в его почти черных глазах.

— Я не собираюсь тебя убивать, Есения. Но за всё в этой жизни нужно платить.

— Ч-что ты имеешь в виду? — замираю я, вцепившись пальцами в подлокотники.

— Скоро узнаешь. Сначала свадьба твоей сестры. А после... мы обсудим, каким именно трудом ты будешь отрабатывать тот факт, что я не сдал тебя полиции и не отправил в камеры предварительного заключения.

— В тюрьму?! — меня бросает в ледяной пот.

— Лучше убей меня...

— Запомнил, — спокойно парирует он и протягивает мне руку с безупречно подстриженными ногтями. — А теперь ответь мне: что на этот счет думает твой обожаемый братик Ярослав? Если он узнает о твоих ночных подвигах... что он с тобой сделает?

Ярослав? Он либо запрёт меня в подвале навсегда, либо продаст втридорога первому встречному клану. У меня нет ни малейшего понятия, на что способен этот человек.

— Он... он не должен узнать.

— Отлично. Значит, твоя маленькая ночная кража останется нашим с тобой маленьким секретом.

Я смотрю на его протянутую руку с откровенным отвращением, смешанным с ужасом. Я русская кореянка, а это значит, что я прекрасно понимаю истинный смысл его слов.

Это чистой воды шантаж. Элегантный, беспощадный и абсолютный.

Игнорируя его жест помощи, я гордо вздергиваю подбородок, с усилием поднимаюсь на ноги и выпрямляю спину. Пусть я сломана и загнана в угол, но ползать на коленях перед этим монстром я не буду.

Мой будущий родственник взял меня под свой железный каблук. И прямо сейчас этот каблук начинает медленно, со смаком опускаться на мою судьбу.

Глава 3

Артём Лим

Лживая маленькая птичка.

Есения не произнесла практически ни единого правдивого слова с того самого момента, как её втащили в мой кабинет. Сейчас она смотрит на меня своими огромными, обрамленными темными ресницами серо-зелеными глазами, в которых плещется чистый, первобытный страх. И это прекрасно. Страх делает людей управляемыми.

Она невероятно красива — с её гладкими темно-каштановыми волосами, идеальной фарфоровой кожей, доставшейся от отца, и этим упрямым, гордым разломом бровей, выданным мафиозными генами её матери. Её губы — нежно-розовые, чувственные — способны заставить мужчину потерять голову.

Разумеется, я не «теряю голову» от каждой смазливой девчонки. И даже если бы во мне шевельнулся подобный импульс, я не позволил бы мимолетному влечению разрушить грандиозный план, на выстраивание которого потратил годы кропотливой работы.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Если быть до конца честным с самим собой, этот образ пробуждает во мне определенный отклик. Но я не тот мужчина, чьи чувства способны взять верх над холодной логикой. У меня абсолютный самоконтроль и идеальная возможность, подвернувшаяся в самый нужный момент.

И Есения, сама того не ведая, только что превратилась в главный инструмент, с помощью которого я достигну своей цели.

— С-секрет? — шепчет она, нервным движением обхватывая пальцами изящную колонну своей шеи.

Я прекрасно понимаю, что захлопнул ловушку идеально. Я не слишком близко знаком с её старшим братом Ярославом, но легко могу представить его ярость, если бы он узнал, что его младшая сестрица сбежала из-под охраны и устроила масштабную аферу с подсчетом карт в подпольном крыле моего казино.

К тому же, перспектива вернуться под опеку отца или отправиться в следственный изолятор за попытку крупного мошенничества — угрозы, которые не требуют лишних объяснений.

Я поймал маленькую певчую птичку в золотую клетку, и теперь она будет петь именно ту мелодию, которую я закажу.

Мое тело наполняется глухим, пьянящим предвкушением победы. В этот момент я замечаю её нервный жест: изящный палец Есении начинает ритмично отстукивать такт по пульсирующей венке на шее. *Тук-тук, тук-тук.* Тот же самый повторяющийся ритм. Я смотрю в её распахнутые от ужаса глаза, в которых ярко горит паника.

Я плавно делаю шаг вперед, сокращая дистанцию, и невольно втягиваю воздух, улавливая её уникальный шлейф. От неё пахнет зимней свежестью, смешанной с тонкими нотками корицы и терпкой хвои. Чистота и абсолютная... свобода.

Заполняя легкие её ароматом, я смотрю сверху вниз на её опущенный подбородок и тяжелые пряди волос, падающие на плечо. Мне едва стоит усилий сдержать импульс протянуть руку и откинуть эти пряди назад, чтобы почувствовать шелк её кожи.

Есения — по целому ряду стратегических причин — подходит для моего плана гораздо лучше, чем её старшая сестра.

Моя роль в архитектуре нашего семейного синдиката всегда сводилась к «научным исследованиям и разработкам». Я годами занимался черновой работой: искал идеальные участки земли, выстраивал логистические коридоры между портами Владивостока, Сеула и Пусана, просчитывал риски и заключал сложные контракты. Но принимать финальные решения, управлять активами и сидеть во главе стола мне не позволяли. Я оставался в тени.

Мои пальцы снова сводит от внутреннего напряжения. В нашей семье существовала жесткая, негласная иерархия, замаскированная под традиционные семейные узы так искусно, что посторонние люди даже не догадывались о внутренней войне.

Или, возможно, обитатели внешнего мира просто не обладали всей полнотой информации.

Мы с моим младшим братом Даниилом никогда не входили в «высший круг» официального руководства корпорации Лима. Нас держали особняком, относились как к чужакам — белым воронам семейного бизнеса.

Вероятно, потому что мы ими и являлись. Мы с Даниилом — плоды тайной страсти нашей матери к тому, чья бросающаяся в глаза красота в свое время ослепила её саму. Мать пала жертвой этого совершенного лица, искренне поверив, что за безупречной внешней оболочкой скрывается нечто большее, чем холодный расчет. Но она горько поплатилась за свою наивность, оставшись заброшенной и забытой, когда её законный муж полностью погрузился в алкоголь, а избранник оказался бесчувственной ледяной глыбой.

Мы унаследовали эту обманчивую, почти инопланетную внешность — ослепительную, изящную и божественно совершенную. Многие в деловых кругах по привычке покупались на этот фасад: светские дамы теряли головы от безупречно выточенных черт лица, фарфорово-гладкой кожи и тонких, изящно вырисованных губ, наивно полагая, что за ними скрывается живой человек.

Но за этой безупречной красотой таилась смертельная ловушка. В моих глубоких, почти черных глазах никогда не отражалось ни единой эмоции — лишь абсолютное, высокомерное безразличие и леденящая жестокость хищника, привыкшего вершить чужие судьбы одним взмахом руки. Я не кричал, не угрожал и даже не хмурился. Те, кто сталкивался со мной, люди просто замирали под этим завораживающим, жутким взглядом, мгновенно понимая, что за божественным фасадом скрывается абсолютная, бездонная пустота.

Но эти времена подошли к концу.

Я вовсе не стремлюсь разрушить собственный клан до основания, но я намерен забрать свою законную, самую жирную долю пирога. Пришло мое время.

В этом и заключается главное преимущество того, кто контролирует потоки информации. Я держу в руках все нити.

И на этот раз вся собранная мной база данных послужит исключительно моим личным интересам.

Ярослав изначально предложил мне в жёны Мирославу. Это был выбор, к которому я относился... скажем так, без малейшего энтузиазма. Мирослава — девушка жесткая, несговорчивая, взрывная, в чьих венах бурлит слишком много опасной мафиозной крови их матери. Она неуправляема.

Однако до сегодняшнего вечера у меня не было весомого, юридически и клановo безупречного повода потребовать изменения условий сделки так, чтобы Ярослав не смог возразить.

Но теперь... благодаря этой милой ночной вылазке Есении в мое казино, у меня в руках появился идеальный рычаг. И у моей маленькой птички не останется иного выбора, кроме как играть по моим нотам.

Если, конечно, она не хочет закончить свои дни в месте, куда хуже уютного пентхауса под надежной охраной.

Моя пленница в золотой клетке.

— Я знаю, ты не хочешь, чтобы твой брат узнал о твоем ночном приключении. И полицию мы привлекать не станем... — произношу я мягким, вкрадчивым тоном, наблюдая за её реакцией.

Есения судорожно сжимается в комок, её плечи опускаются, а на шее отчетливо пульсирует та самая венка.

Здесь требуется ювелирная точность. Есения прекрасно знает, как совершать побеги; если я надавлю слишком сильно или слишком быстро, она сорвется с крючка и побежит снова — невзирая на деньги и риски.

— Чего ты от меня хочешь? Что ты со мной сделаешь? — её глаза снова наполняются прозрачной влагой слез.

Я усилием воли игнорирую странное, неприятное тянущее ощущение где-то в районе солнечного сплетения. Есения только что попыталась украсть крупную сумму из моего игорного заведения. Никакой жалости к ворам в моем мире не существует.

— Мы обсудим способ возмещения твоего долга... после свадьбы.

— Долга?! Ты же забрал все мои деньги! — с криком возмущения она резко выпрямляет спину, вскидывая подбородок. В ней всё-таки есть внутренний стержень, скрытый под хрупкой оболочкой. И это восхищает. Это делает нашу игру гораздо интереснее.

— Давай не будем строить из себя невинную жертву, Есения. Цена за твой поступок будет назначена, но мне нужно время, чтобы взвесить все детали. К тому же, сейчас все мои мысли заняты подготовкой к свадебной церемонии.

Её изящная губа брезгливо кривится: — Подготовкой к свадьбе? Всё еще выбираешь букеты из орхидей?

Нет. Выбор цветочков для зала в мои обязанности не входил.

Я выбирал невесту.

Но об этом секрете пока знал только я. Есения узнает в свое время.

Глава 4

Есения Ким

— Я думаю, тебе пора возвращаться домой.

— Домой? — я издаю горький, надломленный смешок, потому что эта роскошная клетка никогда не была для меня домом. Но в следующую секунду воздух застревает в легких. — И как ты собираешься водворить меня обратно в эту тюрьму так, чтобы мой брат ничего не узнал о моем побеге?

Это условие было основой нашего хрупкого соглашения. Ярослав должен оставаться в неведении. Именно поэтому я вообще шла на этот безумный риск: если Ярослав не узнает о моей ночной вылазке, он не станет ускорять те жуткие брачные планы, которые они выстраивают за моей спиной. Я отчаянно покупала себе время, чтобы разработать новый план спасения.

— Позволь мне позаботиться об этом, — бросает он коротко и протягивает мне руку.

Я даже не думала её принимать. Даже инстинктивно чувствую: касаться этого человека — всё равно что гладить свернувшегося кольцами ядовитого питона.

Одна моя рука судорожно обхватывает плечи, защищая от холода, а вторая прижимается к шее.

— Нет, спасибо.

— Это не просьба, — его голос падает до опасного, низкого рокота, а рука остается висеть в воздухе, нетерпеливо требуя подчинения. — Это приказ.

Я плотно сжимаю губы, продолжая нервно, едва заметно постукивать пальцем по пульсирующей венке на шее. Голова идет кругом, густой туман паники застилает сознание, мешая здраво мыслить.

Я не хочу прикасаться к нему — от одного его присутствия по коже бегут мурашки.

Но он не убирает руку, выжидая с абсолютной, железной неподвижностью. Медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, я убираю руку от шеи и неуверенно вкладываю свои дрожащие пальцы в его ладонь.

Его ладонь оказывается обжигающе горячей, кожа — грубее моей, но пальцы смыкаются с такой безупречной, непреклонной силой, что мне становится страшно. На секунду мне кажется, будто эта чужая уверенность вливается в меня потоком невидимой энергии, помогая устоять на ногах.

Спохватившись, я тут же пытаюсь выдернуть пальцы, но его хватка становится лишь крепче. Он делает шаг ближе, поднимая свободную руку к моему лицу, и я рефлекторно отшатываюсь, жмурясь от страха.

В мире, где я выросла, где каждый шаг контролировался отцом и Ярославом, любое резкое движение чужого сильного мужчины всегда предвещало лишь новые запреты и клетки. Но Артём лишь мягко, почти невесомо сжимает мои пальцы, аккуратно убирая выбившиеся из прически темные пряди волос за мое плечо.

— Тебе не нужно бояться.

Я издаю короткий, злой смешок, отводя взгляд в сторону: — У меня есть тысяча и одна причина, чтобы бояться.

Он ничего не отвечает. Вместо этого он тянет меня за собой — но не к той парадной двери, через которую мы вошли в его кабинет, а к скрытой панели в дальней части просторного помещения.

Два его грозных охранника бесшумно следуют по пятам, напоминая мне о суровой реальности: я нахожусь в эпицентре враждебной территории.

Мы выходим в технический коридор с холодными бетонными стенами и строгими металлическими перилами. Остановившись у компактного служебного лифта, Артём нажимает кнопку вызова подземного паркинга.

Одна моя рука по-прежнему зажата в его ладони, а вторая судорожно вцепилась в живот. Его свободная рука ложится мне на поясницу, а кончики пальцев слегка касаются талии.

Этот мужчина — не убежище во время шторма. Он не друг и не союзник. Он ясно дал понять, что собирается шантажировать меня ради своих скрытых целей.

И тем не менее... меня непреодолимо тянет прижаться к нему, утнуться лицом в его широкую грудь, укрыться от всего мира. От него пахнет роскошно и опасно — терпким кедром, кожей и дорогим мужским парфюмом с глубоким бархатным шлейфом.

Я закрываю глаза, глубоко втягивая носом этот запах, чтобы вытеснить спертый, тяжелый воздух лифта, когда его створки с тихим шипением разъезжаются в стороны.

Он заводит меня внутрь кабины, и его прикосновения настолько точны и уверенны, что мне даже не нужно открывать глаза — я просто подчиняюсь мягкому давлению его рук, останавливаясь именно там, где нужно.

Когда двери закрываются, отсекая внешний мир, я со вздохом распахиваю ресницы. И только тут замечаем странную деталь: мы одни. Амбалы-охранники остались наверху.

— А где твои верные цепные псы? — вырывается у меня с легким сарказмом.

Он издает низкий, бархатный смешок, от которого у меня внутри всё переворачивается:
— Откуда ты знаешь эту фразу? Из какого-то гангстерского боевика?

— Я ночами напролет смотрела криминальные триллеры, пока отец держал меня взаперти, — пожав плечами, отвечаю я, хотя в этот же момент его пальцы на моей талии скользят ниже, переплетаясь с моими и притягивая меня вплотную к его мускулистому телу.

Я понятия не имею, почему будущий муж моей сестры позволяет себе держать меня в таких объятиях. Возможно, просто хочет успокоить мою панику, чтобы я не сболтнула Мирославе лишнего о том, какой он на самом деле безжалостный деспот. Спойлер: она и так это прекрасно понимает.

— Почему ты так много смотрела телевизор? — тихо интересуется он, глядя сверху вниз.

— А что еще делать, когда тебе пожизненно запрещено покидать стены дома?

Я совершаю фатальную ошибку, поднимая на него глаза. Его взгляд — черный, глубокий, абсолютно непроницаемый — затягивает меня, как водоворот. Кажется, сделай я еще шаг, и я утону в этой пучине безвозвратно.

Я тут же отвожу взгляд, устремляя его на светящуюся панель этажей над дверью кабины. Лифт стремительно несется вниз.

Парковка встречает нас прохладным полумраком. Это не рядовой сектор казино, а закрытый VIP-уровень, где в идеальном ряду выстроились несколько черных внедорожников премиум-класса с тонированными стеклами.

Артём наконец отпускает одну мою руку, достает из кармана стильный брелок, и один из джипов послушно мигает фарами. Он ведет меня к пассажирской двери, галантно распахивает её и бережно помогает мне забраться внутрь.

— Какая галантность, — иронично шепчу я, кривя губы.

Он полностью игнорирует мой сарказм: — Благодарю. Я стараюсь.

Дверь захлопывается с глухим, солидным щелчком.

Я моментально проверяю блокировку — дверной замок не защелкнут. Рука сама тянется к холодной металлической ручке. Смогу ли я побежать? И главное — куда?

Секундное колебание парализует волю. Сделаю ли я ситуацию хуже или лучше, если рвану прямо сейчас?

Но прежде чем мои пальцы успевают полностью утопить рычаг, водительская дверь распахивается. Артём бесшумно скользит внутрь салона, захлопывает дверь и единым движением активирует центральный замок.

Внедорожник плавно сдает назад, проезжает через поднимающийся шлагбаум и вырывается на ночные просторы игорной зоны.

Я подумываю снова завести разговор о том, что именно он планирует со мной сделать, но вовремя понимаю тщетность этих попыток. Вместо этого я молча сползаю ниже по кожаному сиденью, устремляя взгляд в темное окно.

Я так отчаянно жаждала раздобыть денег, чтобы сбежать по-человечески. Похоже, этому не суждено сбыться.

Придется обходиться без гроша в кармане. Я найду способ вырваться из этого города другим путем. За пределами центральной зоны полно мелких полулегальных заведений. Я пройду через них, буду играть по-крупному и выбью себе дорогу на свободу.

Я делаю глубокий вдох, бросая короткий косой взгляд на Артёма. Усилит ли он охрану в пентхаусе после моего побега? Сделает ли стены золотой клетки еще толще?

Скорее всего, да. Но у меня появится еще один шанс. Во время свадебной суматохи внимание всех охранников неизбежно притупится.

Пытаться сбежать в роскошном платье подружки невесты — затея безумная, но у меня есть несколько дней, чтобы продумать идеальный маневр.

Сама мысль о том, что шанс на спасение все еще жив, возвращает мне дыхание и позволяет расслабиться на мягкой обивке сиденья.

Дорога до моего жилого комплекса занимает считанные минуты — то, на что у меня ушел целый час пешего марша, машина пролетает за мгновение.

Артём въезжает на подземную парковку, останавливает внедорожник на пустующем месте рядом с лифтовой шахтой и достает телефон.

Пара гудков — и в динамике раздается низкий, знакомый голос моего брата: — Артём?

— Привет, — отзывается Лим. Интонация настолько непринужденная и привычная, что у меня внутри всё сжимается от протеста. Мои надзиратели прекрасно знакомы друг с другом, а теперь Артём держит в заложниках мой главный секрет. — Нужно кое-что обсудить по поводу свадебного протокола. У тебя найдется пара минут?

— Разумеется. Что именно тебя тревожит? — отзывается Ярослав.

— Я как раз нахожусь возле вашего здания. Не составит труда подняться в конференц-зал на втором этаже?

— Хорошо, — соглашается брат. — Через сколько ты будешь?

— Через пять минут.

Артём сбрасывает вызов. Одним легким движением он только что элегантно выдворил Ярослава из квартиры, расчистив мне путь домой.

Ведь хотя брат формально живет в другом крыле комплекса, он постоянно заглядывает с проверками, «инспектируя» меня и Мирославу.

Но то, что Ярослав ушел, вовсе не означает полную свободу от контроля. Камеры наблюдения в здании наверняка...

Он снова подносит телефон к уху, отдавая приказ кому-то из своих людей: — Я на парковке. Мне нужен временный срез трансляции с камер видеонаблюдения от гаража до третьего этажа, включая правую лестничную клетку. Отключайте сектора поочередно, чтобы система не фиксировала сбои.

Я сижу затаив дыхание, широко распахнув глаза от изумления. Насколько мне было известно, даже у моего влиятельного брата нет таких полномочий в этой зоне.

Конечно, я всегда знала, что за кулисами Владивостока клан Лим дергает за все нити как кукловод. Но угодить прямо в паутину к самому Артёму Лиму — это высшая степень глупости.

Он открывает свою дверь и плавно выходит наружу.

Бежать здесь бессмысленно. Даже если он отключил внутренние камеры гаража, весь периметр вокруг здания нашпигован датчиками. Я бы не пересекла и метра открытого двора. На изучение охранных ритмов у меня ушло несколько дней, а сейчас...

Артём распахивает мою дверь и молча протягивает руку.

— И всё же... как тебе удалось ускользнуть с третьего этажа незамеченной? — тихо интересуется он, бросая на меня испытующий взгляд.

Я лишь демонстративно пожимаю плечами. Если он всерьез рассчитывает, что я выдам ему свои секретные лазейки, он сошел с ума.

— У меня свои таланты.

— Хм, — только и произносит он, когда его теплая рука снова уверенно ложится мне на поясницу.

Тяжелая дверь служебной лестницы с тихим щелчком открывается под его нажатием — судя по всему, охранники дистанционно контролируют блокировку замков.

Мы быстро преодолеваем пролеты и останавливаются на третьем этаже, у массивной двери, ведущей в наше жилое крыло.

В этот момент телефон Артёма вибрирует от входящего сообщения. Он бросает беглый взгляд на экран: — Твоя невестка сейчас на кухне. Заходить пока рано.

Кира. Несмотря на все мои сложные чувства к нашему клану, жену Ярослава я любила. Умная, тонкая, искренняя — в редкие моменты общения с ней мне безумно хотелось задать ей те самые вопросы о настоящей свободе.

Но отец с детства вбил нам в головы железное правило: никому нельзя доверять.

И тут меня осеняет жуткая догадка.

— Погоди... У тебя есть камеры и внутри апартаментов?

Неужели они следили за мной даже в спальне? Лицо вспыхивает от жгучего стыда. У меня и без того было мало личного пространства, а мысль о том, что какие-то посторонние охранники могли наблюдать за мной во время переодевания, заставляет кровь застыть в венах.

Артём бросает на меня снисходительный взгляд: — Только в прихожей и коридоре, камеры направлены на лифтовую зону и лестницу. Чисто в целях безопасности.

Я поднимаю брови в саркастическом жесте: — Чьей именно безопасности? Судя по всему, эта охрана работает исключительно как конвой для пленных.

Входной замок издает короткий звук, прерывая нашу перепалку. Артём толкает дверь, легко подталкивая меня в спину, чтобы я перешагнула порог кухни.

— Увидимся на свадьбе, Есения, — произносит он напоследок.

Я резко оборачиваюсь, собираясь бросить ему в лицо едкую отповедь, но замираю. В его темных, бездонных глазах читается такая тяжелая, мрачная тень, что слова застревают в горле.

Он захлопывает дверь прежде, чем я успеваю ответить.

Металлический засов щелкает, возвращая меня в суровую реальность.

Я по-прежнему заперта. Всё еще пленница.

Но если до сегодняшнего вечера я была всего лишь бессловесной пешкой на чужой шахматной доске, то теперь... кажется, я нашла способ сделать собственный ход.

Глава 5

Артём Лим

Перешагивая через две ступени, я спускаюсь по служебной лестнице обратно на подземную парковку, после чего нажимаю кнопку вызова лифта, чтобы подняться на второй этаж.

Мигание светодиодных индикаторов на потолке означает, что объективы камер видеонаблюдения снова активны. Система работает без сбоев.

Мне не доставляет никакого удовольствия обманывать Ярослава. В конце концов, именно он в свое время настоял на том, чтобы я взял под свой полный контроль развлекательный комплекс «Каспиан» и логистические линии в игорной зоне «Приморье». Без его протекции мои старшие братья никогда не доверили бы мне управление таким стратегическим активом, и я оценил этот жест по достоинству.

Однако в борьбе за абсолютную независимость и собственную империю все средства хороши.

Не могу сказать, что наше партнерство с братьями было убыточным. Напротив, они неустанно работали над тем, чтобы обеспечивать клану Лим астрономические доходы. Мы выстроили мост между Владивостоком, Сеулом и Пусаном, связав международные финансовые потоки, закрытые VIP-клубы и крытые галереи игорной зоны, где миллионеры из Азии могут проводить недели, не выходя на улицу.

Этот международный транзит превратил наш клан в миллиардеров.

Но как аналитик и главный стратег, я всегда отличался въедливостью к мелочам. И именно эти детали позволили мне удвоить чистую прибыль «Каспиана» всего за три месяца моего руководства. Только представьте, на что я был бы способен, если бы мне дали полную свободу действий во всей корпорации Лима! Но старшие братья крепко держали бразды правления, отводя мне лишь роль серого кардинала.

Мои амбиции простираются гораздо дальше.

Я искренне предан семье, но я смертельно устал находиться в их тени. Пришло время заключить сделку, которая будет принадлежать только мне.

Двери лифта плавно бесшумно раздвигаются, и я ступаю на глянцевый мрамор второго этажа, полностью отведенного под закрытые переговоры.

Этот уровень закрыт для посторонних и используется исключительно в экстренных случаях.

Месяц назад Ярослав сам пришел к нашей семье с предложением. Ему принадлежали три крупных коммерческих объекта и портовый терминал, которые их отец, господин Ким, годами использовал для отмывания теневых капиталов. Ярослав предложил передать нам права на два объекта в обмен на интеграцию его главного актива в нашу единую инфраструктуру беспошлинной торговли.

Это была безупречная комбинация. Вступив в наш единый кластер, он получал прибыль, превышающую все его прежние доходы вместе взятые.

А наш клан получил контроль над важнейшими земельными участками Приморья, которые при грамотном управлении — без той топорной криминальной грязи, которой упивался его отец, — превращались в золотую жилу.

Ярослав — умный и жесткий мужчина. Он мог бы сам построить легальную империю, но отец связывал его по рукам и ногам, заставляя чистить грязные деньги старого мафиозного синдиката.

Передача этих активов под мое крыло стала для Ярослава финальным шагом — манифестом о том, что он больше не подчиняется законам отца.

Дело закончилось тем, что старик Ким лично прибыл на разборку, попытавшись запереть дочь под замком и заставить сына отступить под угрозой полного уничтожения бизнеса.

Старый безумец.

Меня не было во Владивостоке, когда разразился тот разбор. Но мои братья Глеб и Тимур присутствовали при этом и утверждали, что это напряжение ничем не уступало той суровой школе выживания, которую устроил нам наш собственный официальный отец — глава влиятельного корейского чеболя в Сеуле.

Наш «родитель» воспитывал всех пятерых сыновей в железных тисках. Но он прекрасно знал, что мы с Даниилом унаследовали не его кровь, и относился к нам с особой, ледяной жестокостью, лишая прав на наследование ключевых активов корпорации.

Ярослав стоит у панорамного окна от пола до потолка, всматриваясь в россыпь неоновых огней Владивостока и темную гладь Амурского залива. Его профиль четко вырисовывается на фоне ночного города.

Он нервно потирает подбородок, и замысловатые татуировки на его кистях двигаются в свете городских огней.

Я сам ценю хорошую нательную живопись — вся моя грудь покрыта сложной драконьей вязью. Но я предпочитаю прятать свои знаки под безупречно скроенными итальянскими костюмами и шелковыми галстуками.

Днем я — респектабельный бизнесмен...

Ярослав медленно поворачивается ко мне: — Чему я обязан этим ночным визитом?

Я даже не пытаюсь изобразить вежливую улыбку. Время за полночь, а у меня еще непочатый край работы. К тому же, этот разговор — проверка. Уникальная возможность узнать, насколько Ярослав готов принять мои новые условия по поводу предстоящей свадьбы.

— Я бы хотел внести существенные коррективы в наш брачный договор, — произношу я.

Ярослав хмурится, его осанка становится еще более натянутой: — Какого рода коррективы?

Я делаю паузу, медленно втягивая воздух через нос, создавая атмосферу глубоко взвешенного решения: — Вопрос весьма деликатный.

— Говори прямо, — по его жесткому тону я вижу, что у него нет ни малейшего желания тратить время на реверансы. И это мне нравится. Мужчины нашего уровня — мы с Ярославом, мои братья — не терпят пустых разговоров.

— При всем моем уважении к Мирославе...

Ярослав гордо расправляет плечи: — Она безупречная партия.

— Я обнаружил, что испытываю... определенный интерес... — я почти физически ощущаю фальшь этого слова. Я никогда в жизни не говорил женщинам об "интересе" или "чувствах". Эмоции — это слабость, которую следует топить в самом глубоком омуте сознания и никогда не выносить наружу. — К Есении.

Глаза Ярослава округляются, а губы слегка приоткрываются от изумления: — Ты это серьезно?

Что, черт возьми, должен означать этот тон?

— Абсолютно.

— К Сене? К моей младшей сестре? — он качает головой так, будто я окончательно лишился рассудка.

Я сжимаю челюсти, ощущая, как укол раздражения заставляет меня выпрямиться: — А что тебя смущает?

Ярослав пожал плечами: — Не знаю... Мирослава амбициозна, статна, выросла с пониманием правил нашего мира. А Есения... — он всплескивает руками, будто ища нужные слова под потолком. — Пойми меня правильно. Мирослава идеально подходит для династического

брака по расчету. Она будет твердо стоять рядом и держать удар. А Есения... она слишком хрупкая. Она не создана для этой жизни.

Именно поэтому мне не нужна Мирослава. А Есению — помимо всех прочих выгод — мне будет намного проще подчинить своей воле.

— Ты уверен, что не недооцениваешь свою младшую сестру? — сухо уточняю я.

— Это уже не имеет значения. Менять условия контракта накануне торжества слишком поздно.

Как бы не так. Я не намереваюсь вести к алтарю Мирославу только потому, что кто-то поставил подписи на дорогих гербовых бланках.

— Я более чем уверен, что Есения неравнодушна ко мне в той же степени, что и я к ней.

Ярослав резко вздергивает подбородок: — Откуда такая уверенность? Вы же толком даже не общались!

Я кладу большой палец на сустав указательного, с сухим щелчком разминая его, а затем перехожу к следующему: — Мы успели поговорить. Я видел искушение в её глазах и чувствовал это притяжение. Мы подходим друг другу гораздо лучше.

Это небывалая низость даже для моих методов, но я намерен сделать это решение выигрышным и для самой Есении — особенно теперь, когда мне известны её истинные желания.

Ярослав качает головой, отворачиваясь обратно к окну: — Мне нужно подумать.

Я киваю, разминая следующий сустав: — Разумеется.

— Есении всегда было тяжелее адаптироваться к правилам нашего клана, чем всем нам. Она другая... — он снова замолкает, подбирая формулировки.

— Я прекрасно осведомлен о том, в каких теневых сферах вращается ваша семья. Но я — легальный предприниматель, брат влиятельного сеульского инвестора. Мой бизнес полностью прозрачен.

Ярослав снова бросает на меня тяжелый, пристальный взгляд: — А твоя личная жизнь?

Здесь он меня подловил.

— У меня её нет.

— Что ж, знакомо, — он снова устремляет взгляд на темный залив. — Я взвешу твои слова и дам ответ завтра.

Часть меня требует надавить прямо сейчас, но я сдерживаю этот порыв. Если в переговорах звучит «мне надо подумать» — это скрытое «нет». Неписаное правило переговоров, выученное мной еще в юности.

А значит, на данный момент я получил отказ.

Но другое правило, которому я следую беспрекословно: никогда не принимать «нет» за финальный вердикт. Если парадный вход закрыт, пора искать служебную дверь с черного хода.

С легким кивком я поворачиваюсь к лифту, но направляюсь не вниз, к автомобилю, а нажимаю кнопку вызова верхних этажей.

Мой младший брат Даниил также поселился в этом комплексе — для обеспечения дополнительного контура безопасности Ярослава и его семьи. Никто из нас не мог гарантировать, что их старик Ким не попытается нанести реванш. Именно поэтому, когда мы с Есенией поженимся — а мы обязательно поженимся, — мы обоснуемся в этом же закрытом здании.

И пусть я использую её в своей большой игре, я гарантирую её абсолютную безопасность, пока она носит мою фамилию. Это мое железобетонное обещание.

Двери лифта открываются, и я выхожу на этаже брата. Пентхаус оснащен персональным лифтом с выходом прямо в холл, но Даниил выбрал этаж ниже, предпочитая традиционную прихожую и массивную бронированную дверь.

Мне приходится пройти мимо двух соседних дверей, прежде чем я коротко стучу в его квартиру.

В ответ — полная тишина.

Спят? Даниил обычно бодрствует ночи напролет, и меня искренне удивляет отсутствие движения.

Я стучу снова, более настойчиво.

— Кого там еще черти принесли?! — раздается из-за плотного массива дерева глухой, яростный рык Даниила.

— Это я, — отзываюсь я. — Открывай.

Спустя пару секунд замок щелкает, и на пороге появляется мой брат — в одних лишь боксерах, с недвусмысленными следами недавней страсти и откровенным раздражением на лице: — Надеюсь, у тебя там как минимум пожар!

За его спиной из глубины коридора появляется Кристина, завернутая в одну лишь белоснежную простыню. Её светлые волосы растрепаны, а щеки горят ярким румянцем: — Артём? Всё в порядке? — её дыхание всё ещё слегка сбито.

Черт. Неудивительно, что Даниил целыми днями не выходит из апартаментов. В воздухе отчетливо витает терпкий аромат страсти. На мгновение во мне даже угадывается укол легкой зависти.

Не к Кристине — она, безусловно, привлекательна, но абсолютно не в моем вкусе. Меня задевает то, что удалось найти моему брату: женщину, которой он предан без остатка и которая заставляет его чувствовать себя самым желанным мужчиной на свете.

— Пока не знаю, — ворчит Даниил, заслоняя Кристину своей широкой спиной от моего взгляда, будто я пришел разглядывать его жену. — Но, если Артём сейчас же не объяснит причину своего вторжения, я сброшу его обратно в лифтовую шахту.

Я позволяю себе тень ироничной ухмылки: — Попробуй.

Даниила опасаются многие. У него тяжелый, мертвый взгляд, способный мгновенно парализовать оппонента, и репутация человека, не ведающего жалости.

Однако в рукопашном бою я всё равно одерживаю победу в девяти случаях из десяти — просто потому, что сам обучал его большинству боевых техник.

— Иди в спальню, Кристина. Я сейчас вернусь, — бросает он через плечо мягким тоном, после чего снова поворачивается ко мне с ледяной миной: — Зачем пришел, Артём?

Я дожидаюсь, пока за девушкой закроется дверь, и смотрю брату прямо в глаза: — Мне нужен... — я делаю паузу, чтобы он оценил вес моих слов, — личный номер телефона Мирославы.

Глаза Даниила расширяются. Потребовалось немало усилий, чтобы застать моего брата врасплох, но мне это удалось. — Ты с ума сошел?

— Доверься мне. Так будет лучше для всех.

Наши старшие братья были убеждены, что раз брачный контракт заключен, нам с Мирославой следует начать общаться уже после официальной церемонии. Но мои планы кардинально изменились.

Даниил слегка склоняет голову набок, смеривая меня подозрительным взглядом: — Ты что-то задумал.

Никто не знает меня лучше Даниила. Я старше его всего на год с небольшим, мы росли бок о бок, деля на двоих статус «нежеланных сыновей» нашего отца...

Вместо того чтобы оправдываться, я меняю тему: — Ты никогда не уставал от того, что нас держат на задворках клана?

— Меня вполне устраивают задворки, — пожал он плечами. — Особенно с тех пор, как появилась Кристина.

С этим аргументом трудно спорить.

— Этот брак — мой решающий шаг, чтобы изменить наш статус и забрать свое, — я тщательно подбираю каждое слово. — Я не намерен упускать этот шанс. Обещаю.

Даниил долго и молча смотрит на меня. Для любого чужака эта тяжелая, звенящая тишина показалась бы пыткой — это его излюбленный прием давления. Но я слишком хорошо знаю его привычки, поэтому просто спокойно выжидаю.

Наконец он скупо кивает: — Ладно. Жди здесь.

В душе я ликую от одержанной победы.

Я не издаю ни звука, пока он уходит вглубь квартиры и возвращается спустя минуту с листком бумаги, на котором быстро набросан номер.

Я забираю бумажку из его рук и подмигиваю ему на прощание.

— Артём.

— Что? — я оборачиваюсь через плечо.

— Если ты еще хоть раз сорвешь оргазм моей жены, я лично подмешаю тебе яд в утренний кофе.

Это заставляет меня тихо хмыкнуть, хотя я знаю, что Даниил ничуть не шутит: — Учту.

Даниил — последний человек на свете, от которого я ожидал увидеть семейное счастье. Впрочем, его неожиданная идиллия не внушает мне наивных надежд.

Мой брак — это инструмент достижения цели. Ничего личного. И моя маленькая певчая птичка поможет мне воплотить все мои замыслы в реальность.

Хочет она того или нет.

Глава 6

Есения Ким

Яркое утреннее солнце Владивостока, заливающее комнату через панорамное окно, безжалостно издевается над моим мрачным, почти похоронным настроением.

Сегодня свадьба Мирославы.

Я отчетливо понимала, что ей сейчас во много раз тяжелее, чем мне, но это не утешало. Её будущий муж — человек, способный леденящим взглядом парализовать волю любого, — недвусмысленно дал мне понять: после того, как я официально стану его родственницей, он лично объяснит мне, какое «наказание» меня ждет.

Эта зловещая неопределенность висела надо мной дамокловым мечом, выжигая остатки нервов.

Вот же самовлюбленный деспот.

Я резко поднимаюсь на постели, бросая взгляд на свое отражение в настенном зеркале. Под глазами залегли темные, свинцовые тени от бессонницы — последние ночи слились в сплошной кошмар из тревог об Артёме и лихорадочных попыток разработать новый план побега.

Допросы Ярослава накануне тоже не добавили душевного спокойствия. Его странные, завуалированные вопросы о том, что я «чувствую» к Артёму, вызывали лишь глухое раздражение. Что я могу к нему чувствовать? Разве что ощущение, будто стою лицом к лицу с дьяволом в безупречно скроенном итальянском костюме.

Я устало тру ладонями бледное, осунувшееся лицо.

Ничего. Мне не обязательно блистать красотой. Моя задача — подняться к арке бракосочетания, отстоять церемонию рядом с сестрой, притвориться послушной, покорной подружкой невесты...

И продолжать отчаянно выискивать хоть малейшую лазейку для побега. Шанс призрачный, почти нереальный, но отступать некуда.

С тяжелым стоном я заставляю себя подняться с кровати. Церемония назначена на середину дня, а за окном уже вовсю хозяйничает позднее утро.

Семья Лима предлагала устроить пышное торжество в ландшафтном парке их резиденции, но Ярослав настоял на традиционной белокаменной часовне на побережье, с видом на бушующие волны Японского моря.

Наверное, он искренне верил, что привнесение религиозного таинства смягчит этот жесткий династический союз, придаст ему благородный вес. Возможно, так оно и было. Быть может, это поможет Мирославе смириться с неизбежным и принять свою новую роль с гордо поднятой головой.

Я поворачиваю вентиль душевой кабины, позволяя горячим струям обжигать кожу. Слово «принять» в данном контексте звучало издевательски. Правильнее было сказать — подчиниться под дулом невидимого пистолета. Мой живот снова скручивает тугой, болезненный узел при мысли о том, что я чувствовала бы на её месте.

Я тщательно отмываю кожу, щедро нанося на лицо дорогую увлажняющую сыворотку и успокаивающий крем, пытаясь хоть немного скрыть отечность от слез и бессонницы.

Затем, запахнувшись в шелковый халат, я выхожу на просторную кухню, чтобы заварить двойной эспрессо.

Нужно отдать должное этим апартаментам: уровень оснащения здесь безупречен. Новейшая техника, встроенные кофемашины премиум-класса, идеальные поверхности.

Я засыпаю зерна, запускаю процесс экстракции, и густой, терпкий аромат свежесваренного кофе мгновенно наполняет пространство, даруя крошечную дозу искусственной бодрости.

Пожалуй, мне понадобится еще одна чашка. Обхватив ладонями большую керамическую кружку, я делаю жадный глоток, наслаждаясь горьковатым вкусом. Маленькие радости жизни в золотой клетке.

— Какой чудесный день для свадьбы, не правда ли? — раздается за спиной мягкий, звонкий голос Киры.

Я вздрагиваю, оборачиваясь к невестке. Стараюсь сдержать набегающую гримасу раздражения при виде её лучезарной, ничем не омраченной улыбки. Когда она успела прийти? С каких пор её визиты стали настолько частыми?

Кира, безусловно, мила. Но сегодняшний день — последнее место для слепого оптимизма.

— На улице ровно такая же погода, как вчера, и позавчера, — сухо парирую я, делая новый глоток. — Владивостокский климат изменчив, а эта напускная солнечная бодрость кажется мне жутко маньячной.

Она весело смеется: — Пожалуй, ты права. В центральной России столько солнца обычно не бывает.

И то верно. Раньше мне казалось, что обилие света способно исцелить любую тоску. Как же глубоко я заблуждалась.

Я бросаю оценивающий взгляд на Киру, замечая её безупречную прическу: — Кто делал тебе укладку?

— Сама справилась, — она с гордостью касается изящных прядей. — Ярослав предлагал нанять стилиста, но я привыкла рассчитывать на собственные силы и экономить семейный бюджет.

Я киваю, испытывая к ней искреннее уважение. В этом заключалась главная сила Киры: она сама пробила себе дорогу в жизни, получила хорошее образование, построила карьеру и скопила собственный капитал, прежде чем оказаться втянутой в орбиту нашего клана.

— Выглядит потрясающе, — признаю я честно.

Всю свою сознательную жизнь проведя запертой в четырех стенах, я бы все отдала за шанс доказать собственную состоятельность, сделать что-то значимое, по-настоящему жить, а не существовать.

Конечно, независимость досталась Кире дорогой ценой. Я знала обрывки её истории: раннее сиротство, жестокая борьба за выживание в суровом мире без чьей-либо поддержки. Должно быть, это было невыносимо тяжело.

Но главное — она была свободна. Она сама выбирала свой путь, и это вызывало у меня жгучую, черную зависть.

Как же изматывает это перманентное состояние — быть безвольной куклой в руках каждого властного мужчины, пересекающего твой путь.

— Спасибо, Есения, — тепло улыбается она, а затем слегка тушуется. — Если хочешь, я могу помочь тебе с прической.

Теперь моя очередь нахмуриться. Мы с Мирославой никогда не были близки настолько, чтобы устраивать девичьи посиделки перед зеркалом. В детстве отец пресекал любые попытки нашей близости на корню, разделяя нас поодиночке. Со временем мы просто перестали пытаться.

И хотя мне безумно хотелось принять предложение Киры, червь сомнения грыз изнутри. Можно ли ей доверять? В конце концов, она жена Ярослава.

Вдруг её доброта — лишь тонкая разведка? Что, если она собирается выведать мои тайны и передать их моему брату, чтобы тот пресек любые попытки бунта?

Неужели годы заточения превратили меня в циника, не способного поверить в искренность хоть кого-то?

— Я не уверена, что мне нужна... бросаю я суховато.

— Глупости! Мы обе идем к алтарю в статусе подружек невесты. Грех не сделать красивые парные прически, — хлопает в ладоши Кира, озаряя кухню открытой, безоговорочной улыбкой.

Скрипнув зубами, я сдаюсь: — Ладно. Уговаривать ты умеешь.

Еще через час, сопровождаемый ароматом лака для волос и шпильками, моя прическа превращается в настоящее произведение искусства. Сложное плетение на затылке выглядело невероятно элегантно, визуально вытягивая шею и подчеркивая разрез моих больших глаз.

Признавать чужой талант всегда тяжело, но Кира действительно мастерски справилась с задачей.

— Ну что, пора облачаться в платья? — с нескрываемым трепетом в голосе произносит она.

Её можно понять. Для нее брак с Ярославом стал венцом любви и семейного счастья. Она искренне верит в священность брачных узы, в то время как мы с Мирославой воспринимали этот день как оглашение смертного приговора.

Кстати о сестре...

— Да, пожалуй. Я только загляну к Мире, проверю, как она там.

— Конечно, — кивает Кира. — Я заходила к ней раньше, но дверь была заперта, и она явно не горела желанием пускать кого-то внутрь.

Я удивленно приподнимаю брови. Выходит, я была у нее в приоритете? Впрочем, неудивительно.

Покинув комнату в полном параде — с профессиональным макияжем и сложной прической, но пока еще в шелковом халате, — я подхожу к двери сестры и легко стучу костяшками пальцев: — Мира? Это я.

В ответ царит зловещая тишина. Я повторяю стук, чувствуя, как в желудке поднимается холодная волна дурноты. Мирослава всегда умела держать удар лучше меня, но сегодня...

Спустя томительные десять секунд замок щелкает, дверь распахивается, и я едва не оступаюсь от нахлынувшего облегчения. Мира выглядит потрясающе: безупречный макияж, гладкий, тугой конский хвост на затылке, подчеркивающий аристократичный овал лица.

От нее веет холодной, недосягаемой роскошью. Настоящая королева криминального мира.

— Привет, Сеня, — бросает она коротко.

Что-то в интонации её голоса царапает слух. Мне чудится в этом приветствии странная, зловещая нотка жалости. Ко мне? Сегодня? Абсурд.

— Ты как? Держишься?

— Нормально, — бросает она с ледяным спокойствием, какого я у нее отродясь не видела.

— А ты?

— Я? Разумеется, всё под контролем, — лгу я, натягивая самую фальшивую, ободряющую улыбку. — Переживаю только за тебя.

Её губы сужаются в тонкую линию: — Не стоит переживать обо мне, младшая сестренка. Лучше позаботься о себе.

И прежде чем я успеваю ответить, она бесцеремонно захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Мы с Мирославой всегда придерживались принципа «каждый сам за себя», но сейчас это прозвучало слишком... окончательно.

Почему мои слова поддержки вызвали у нее такую глухую агрессию?

Я возвращаюсь в свою комнату. Кира уже ушла к себе переодеваться. Аккуратно расстегнув чехол, я извлекаю на свет свое платье подружки невесты — струящийся шелк сложного серо-зеленого оттенка, идеально гармонирующего с цветом моих глаз.

Проведя ладонью по гладкой ткани без бретелей, я тяжело вздыхаю. По крайней мере, выглядеть я буду безупречно.

Аппетита по-прежнему нет — желудок сжался в тугой комок нервов.

Сбросив халат, я облачаюсь в платье, застегиваю молнию и обуваю изящные серебристые босоножки на тонких ремешках.

Драгоценностей из отцовского особняка я с собой почти не везла. В отличие от Мирославы, которая целенаправленно готовилась к пышному замужеству, я была уверена, что пробуду в апартаментах совсем недолго, поэтому все мои скромные украшения так и остались в родительском доме.

Но сегодня это даже к лучшему. Открытая линия плеч и ключиц придает образу хрупкую, беззащитную уязвимость.

Сделав глубокий вдох, я выхожу в коридор в тот самый момент, когда из соседней комнаты появляется Мирослава.

Она всё еще в спортивных легинсах и майке, перекинув через плечо дорожную сумку, а позади нее стоит массивный чемодан. Мои брови взлетают до волос. Я-то наивно полагала, что после церемонии они с Артёмом поселятся в роскошном пентхаусе этажом выше.

— Зачем тебе чемодан? Разве вы не будете жить здесь, в этом же здании?

Челюсть сестры каменеет: — Я больше никогда не переступлю порог этого проклятого дома.

Я замираю, чувствуя, как по коже пробегает ледяная рябь надвигающейся катастрофы.

— Вы обе где? Мы опаздываем! — разносится по гулкому коридору командный баритон Ярослава.

Мирослава молча делает шаг вперед, равняясь со мной. На секунду задерживается, бросая на меня странный, пронзительный взгляд: — Береги себя, Сеня.

Я качаю головой, пытаясь разрядить обстановку: — Мира, мы же будем жить всего в двух этажах друг от друга. К чему эти драмы...

— После сегодняшнего дня всё изменится навсегда, — обрывает она меня холодным, отстраненным тоном, отворачиваясь к лифту.

Я смотрю ей вслед, а в ушах звенит эхо её слов. Они правдивы. Всё действительно изменится. Брат, на чью защиту мы так слепо уповали, собственными руками выдает нас замуж за хозяев этого города. Никакого белого рыцаря на горизонте не появится. Спасать нас некому.

Одиночество нашей участи давит на грудь свинцовой плитой. Мне становится горько от осознания того, как мало я сделала для Мирославы, как отчаянно мы обе закрылись друг от друга. Мы могли бы объединить силы.

— Мирослава, подожди! — кричу я в отчаянии, делая шаг за ней. — Прости меня за...

— Не извиняйся, Сеня. Мы с тобой еще увидимся, — бросает она через плечо, не сбавляя шага.

Я застываю на месте, совершенно не понимая скрытого смысла её слов.

Собравшись с духом, я выхожу в гостиную. Мирослава уже передает свое роскошное свадебное платье Кире: — Будь добра, захвати его с собой в машину.

— С удовольствием! — сияет та. — Любая помощь для меня в радость.

Ярослав проверяет наручные часы: — Машины поданы. Пора выдвигаться.

Мирослава кивает: — Я поеду во второй машине.

— Я составлю тебе компанию, — тут же предлагает Ярослав, делая шаг к ней.

— Я поеду одна, — чеканит она так жестко, что брату приходится замереть. — Мне нужно побыть в тишине.

— Ты и так провела в одиночестве всё утро, — раздраженно хмурится Ярослав. — Хватит капризов...

— Что, мне теперь и дышать без твоего разрешения нельзя?! — взрывается она, сверкнув глазами. — Хочешь контролировать каждый мой шаг, так поезжай со мной и на саму церемонию!

Ярослав презрительно кривит губы: — Не неси чушь.

— Я могу поехать с тобой, Мира, — вмешиваюсь я, заранее зная, что получу отказ, но пытаясь хоть как-то сгладить углы. — Если тебе нужна компания.

— Не нужно, — выдыхает она, смягчая тон. — Спасибо, Сеня. Просто дай мне немного побыть одной перед этим безумным днем.

Я киваю.

Мы дружно спускаемся на лифте в подземный паркинг. Возле выезда нас ожидают два тонированных черных седана бизнес-класса, а следом выруливает третий — для няни и маленькой племянницы Анны.

Как же я жалею, что малышку не берут с нами! За последний месяц общение с племянницей было единственным светлым пятном в этом мрачном царстве.

Ярослав садится на переднее сиденье первого автомобиля рядом с водителем, а мы с Кирой занимаем просторный задний ряд.

Мирослава беспрекословно садится во вторую машину, а её водитель аккуратно укладывает багаж в багажник, прежде чем занять свое место.

Пристегивая ремень безопасности, я нервно разглаживаю складки на шелковом платье.

Сестра права по крайней мере в одном: этот день перевернет всю нашу жизнь. И единственное, о чем я сейчас молюсь — дожить до момента, когда этот кошмар наконец подойдет к концу.

***

Дорога до часовни проходит в тягостном, звенящем молчании. Каждая из нас погружена в собственные мысли, отчаянно пытаясь заглянуть за грань неизбежного.

Когда мы заезжаем на служебную парковку в задней части часовни, я судорожно выдыхаю, мгновенно включая режим внутреннего сканирования: мысленно черчу схему площадки, вычисляю траектории камер и фиксирую все возможные пути отхода. Узкий проезд с одной стороны зажат высоким металлическим забором, отделяющим территорию соседнего комплекса.

Если мне удастся ускользнуть из часовни незамеченной...

Ярослав первым выбирается из салона первого автомобиля и поспешно открывает мою дверь, но его взгляд устремлен не на меня — он тревожно шарит глазами по пустой парковке у главного входа.

— Где машина Мирославы?

— Наверное, просто застряла на светофоре или собирает утренние пробки, — отзывается Кира со своего места, пока Ярослав помогает мне выбраться.

Он молча обходит машину, распахивает дверь для Киры, аккуратно забирает чехол со свадебным платьем и берет её за руку, выводя наружу.

— Я подожду её здесь. Вы с Сеней идите внутрь, спрячьтесь от жары и посторонних глаз.

Коротко кивнув, я направляюсь вслед за Кирой к заднему служебному входу. На ходу приподнимая подол шелкового платья, взбираясь на две ступеньки крыльца.

Всю свою сознательную жизнь мне приходилось носить официальные платья на редких выходах в свет, поэтому двигаться в них я умела, но стоило потерять концентрацию — и длинный подол норовил запутаться в ногах.

Как я уже говорила, из-за своего невысокого роста я вечно страдала от того, что подобранные наряды оказывались слишком длинными. Даже после того, как отец велел прислуге подшивать подолы, у меня засел на подсознательном уровне панический страх оступиться и упасть.

Наверное, здесь сказывалось еще и то, что отец неизменно награждал меня презрительной отповедью всякий раз, когда я случайно спотыкалась.

Это глупые детские комплексы, и я головой понимаю, как сильно отец залез мне в голову, но в глубине души я по-прежнему до смерти ненавижу платья, предпочитая им свободные брюки.

Шагнув в прохладный полумрак часовни, Кира сворачивает в небольшую гардеробную комнату за алтарной частью, чтобы повесить свадебное платье, а я продолжаю идти прямо по коридору, привлеченная глухим гулом мужских голосов.

Я убеждаю себя, что всего лишь просчитываю запасные выходы для побега, но должна признать: мной движет и банальное, жгучее любопытство.

Сделав шаг в тень широкой колонны у входа в главный зал, я замираю, затаив дыхание. В полукруге у алтаря собрались семеро мужчин. От них исходит такая мощная, первобытная аура власти, что воздух в помещении кажется почти осязаемым.

Высокие, статные, с безупречной выправкой, широкими плечами и уверенной расстановкой ног.

Невозможно отрицать — это воплощение той опасной, брутальной мужественности, от которой у большинства женщин замирает сердце.

Большинство из этих лиц мне уже знакомы. За последний месяц я успела повидать всех братьев Артёма Лима. Скраю стоял Даниил Лим, демонстрируя покрытые сложной вязью татуировки на кистях и сканируя пространство холодным, хищным взглядом профессионального палача.

Рядом с ним находился Тимур Лим — столичный плейбой и светский щеголь, чье безумное обаяние и миллиардные активы держат на плаву половину корпоративных проектов семьи. Чуть позади стоял его близнец — Глеб Лим. У обоих были те самые отполированные до блеска улыбки, за которыми искусно пряталась безжалостность дельцов, но я слишком хорошо научилась распознавать истинную угрозу под маской светской вежливости.

И, наконец, Марат Лим — глава клана, восстановивший влияние семьи после долгого финансового кризиса. Если его младшие братья просто источали уверенность, то Марат излучал абсолютное, всепоглощающее величие. Оно читалось в каждом микродвижении, в каждом жестком взмахе руки.

И рядом со всеми ними стоял Артём.

Я инстинктивно пропускаю его фигуру, чувствуя, как от одного взгляда на него сердце начинает бешено биться где-то в горле.

Чуть позади стояли двое мужчин, с которыми я встречалась лишь раз. Михаил Соловьев — архитектор и создатель тех самых подземных коридоров, из-за которых моя сестра сегодня идет под венец. От Михаила исходила точно такая же энергетика, как от Марата, — власть волнами исходила от его фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.